

Фокстрот

Раз-два, три-четыре ... – шаг за шагом – два неспешных, два быстрых Раз-два, три-четыре ... – музыка отсчитывает такт за тактом, а мы кружим по дощатому помосту, стараясь не сбиться

Лето-осень, зима-весна ... время движется то неспешно, то скорей, отбивая такты градинками по крыше, а мы несемся в круговерти дел и забот, стараясь всё успеть. Фокстрот времени не остановить, но ритм его мы выбираем сами – кто-то танцует медленный танец, а кто-то – быстрый. Только на полотне времени рисунок танца не имеет повторов – шаги наши всегда рисуют новый узор, сколько бы ни стремились мы ступать по своим собственным следам. Давно известно, что «в одну реку нельзя войти дважды», но мы вновь и вновь делаем попытки эту истину опровергнуть....

Я снова здесь – в Стокгольме, на этом же бульваре, как тогда – недавней осенью. И года не прошло, а кажется целая вечность. Осенние дожди сменились весенними, опавшие листья давно сметены, а деревья покрылись зеленью – молодой и свежей. Была и зима с ее снегами и пронизывающими ветрами с Балтики, но я всего этого не видел. Там – на другой стороне земли, где я провел это время, почти всегда лето – и то, сказать кому – Африка, да еще Южная – Претория. А здесь – в этом северном городе много воды утекло – и с неба, и ручьями из тающих сугробов, и в Балтику из озера Мэларен – под мостом, что ведет к королевскому дворцу. Вода течет и все мы делаемся другими, только вот бронзовые короли на бульваре Кунгстрэдгорден не меняют своих застывших лиц.

Позеленевший, как все бронзовые памятники, и так же, как все они, засиженный птицами, Карл XII самоуверенно держит в правой руке обнаженный меч, а левой указывает куда-то на восток. Меч его, однако, опущен вниз, а жест левой руки не очень уверенный – может быть, о Полтаве вспомнил.

Карл XIII стоит чуть поодаль – в глубине бульвара и выглядит более миролюбивым и человечным. Вместо меча его рука опирается на корабельный якорь. Правители, не вызывающие страха, нередко вместо этого вызывают смех. Какие-то шутники умудрились взобраться на его довольно высокий постамент, вскарабкались по этой ненатурально большой фигуре и нацепили ему на нос клоунский красный шарик, который удерживается резинкой вокруг шеи. А на шею повязали полосатый галстук. Выглядит забавно.

Прошлой осенью мы смотрели на фигуры этих королей вместе с Леной – моей женой и обменивались саркастическими замечаниями по поводу Карла XII, который почему-то стоит здесь – в самом центре города, хотя шведы, как мы поняли, стараются его не вспоминать и даже как будто стыдятся этого своего монарха. Во всяком случае,

мы не нашли упоминания о нем ни в одном из местных музеев – словно и не было такого короля, да и Полтавской битвы тоже.

Наша поездка в Стокгольм была чем-то вроде запоздалого свадебного путешествия – через двадцать шесть лет после свадьбы – подумать только! Первые три года, пока не родилась дочка, и ездить-то было не на что. Потом к отсутствию денег добавились заботы родительские – не оставишь ведь троих детей на чье-то попечение, пусть даже и на бабушку с дедушкой. Да и не было такого желания покидать детей – нам было хорошо вместе. И вот теперь, когда старшей дочке уже двадцать три, мы решились, наконец, побыть две недели вдвоем, а девчонки наши остались на другом краю света – в Претории. «Да уж – не покидали, не покидали, а тут покинули так покинули!», – скажет кто-то. И то правда – оставили в чужой стране, да еще в Африке. Ну, конечно же, названивали каждый день и с радостью, а где-то в глубине души, быть может, и с удивлением, узнавали, что всё у них в порядке.

Пред отъездом в Швецию жена моя с иронией повторяла: «Ну, вот, хоть за границей побываю». Прожив в Южной Африке одиннадцать лет, мы уже и не воспринимали эту страну, как далёкую и заморскую. Чужой она всё равно осталась, но в понятие «заграницы» уже как-то не укладывалась. И то сказать, дети наши полжизни прожили под небом, с которого по ночам светит Южный Крест, а Медведиц северного небосвода уже, наверное, и не помнили.

Я то в Стокгольме был не впервые – научные командировки из Претории в Европу случались регулярно. Вот и в той поездке я был «по делам», а жена – «при мне». Сколько раз до этого я в самолете с завистью смотрел на семейные пары. И вот, надо же! – и мы полетели вместе.

Путь был неблизким: от Йоганнесбурга до Цюриха десять часов без посадки, а там на другой самолет, да еще пару часов до Скандинавии. Аленушка моя спала, положив голову мне на плечо, а я мысленно уже водил ее по «моему» Стокгольму и показывал старинные дворики, зажатые теснящимися друг к другу домами, на чердаках которых живут люди, а где-то среди них, быть может, и тот самый «Карлсон».... Я представлял себе, как она увидит огромные морские суда и маленькие парусники в самом центре города, гранитные утесы, нависающие над водой, тенистые парки и оживленные улицы.... Я смотрел ее глазами на этот уютный и, как может показаться, неторопливый город и думал, что она, наверное, влюбится в него так же, как и я. Ее светлые волосы приятно щекотали мою шею, а душа моя наполнялась необыкновенной нежностью....

Стокгольм встретил нас солнечным утром. Словно угли в костре, догорали последние дни лета. Клены окрасились в желто-багряные цвета, временами налетали порывы осеннего ветра, но солнце еще продолжало разливать в воздухе свое щедрое тепло.

Вместе с моей Аленушкой я как будто вновь переживал знакомство с этим сказочным городом, в котором родились и Карлсон, и Пэппи-Длинный-Чулоч, и Нильс со своими дикими гусями.... Я радовался вместе с ней и ловил восторг в ее глазах. Нечто подобное было с нами много лет назад, когда я впервые привез ее в Африку. А еще раньше похожее чувство возникало всякий раз, когда мои дети прикасались к чему-нибудь, им доселе неведомому: то восторженно вступали на палубу речного

теплохода, то шли со мной на рыбалку или впервые на цирковое представление.... С уверенностью сказать не смогу, кто тогда больше радовался – они, или я, глядя на их сияющие лица.

Мы с Леной неспешно бродили по городу, вдыхая его атмосферу умиротворенности и покоя. Поразительно – как этому городу удается соединять в себе, казалось бы, несочетаемое? Ведь это европейская столица, полная жизни и бурлящей энергии; но энергия эта остается скрытой, движется по каким-то неведомым постороннему взгляду каналам, будто горячая кровь здорового организма. На поверхности же царит дух почти деревенской неторопливости, основательности и достоинства. Полупустые вагоны метро, автобусы и трамваи создают впечатление, что никто никуда не спешит. И даже толпы многочисленных туристов не в состоянии изменить город – скорее, город меняет их: японцы не так часто щелкают своими фотоаппаратами, а самоуверенные американцы приглушают голоса....

Почти как Венеция, Стокгольм стоит на воде, вернее, на четырнадцати островах; их соединяют более пятидесяти мостов. А от Балтийского моря город отделен еще и огромным архипелагом из двадцати четырех тысяч больших и маленьких островков, которые называют шхерами. Поэтому, в какую бы сторону ни пошел, обязательно оказываешься на берегу либо озера, либо морского залива. Всюду видны мачты и паруса. Быть может поэтому один из главных музеев Стокгольма посвящен кораблю.

Корабль этот был построен около четырехсот лет назад, чтобы воевать с поляками. Ему дали имя «Васа» – так звали короля, который за сто лет до этого добился независимости и объединил Швецию в единую страну. По тем временам он был самым большим кораблем в мире – чем-то вроде «Титаника». Тогдашнему королю Густаву Адольфу показалось, что на корабле маловато пушек, и он приказал их добавить. Возражать ему, конечно же, не стали, хотя и опасались, что центр тяжести поднимется слишком высоко. Опасения эти оказались не напрасными: выйдя из дока в свое первое плавание, «Васа» перевернулся и затонул прямо перед королевским дворцом на глазах всех жителей Стокгольма, собравшихся на берегах залива по столь торжественному случаю.

С полвека назад поднятый со дна, корабль «Васа» стоит теперь под крышей, сквозь которую торчат верхушки его мачт. Крыша музея похожа на парус и потому кажется, что «Васа» вновь готовится к отплытию. Когда я смотрю на мачты этого, не прошедшего и одной морской мили, корабля, как-то сама собой на ум приходит фраза из назойливого рекламного ролика: «Сделано в Швеции – сделано с умом». Впрочем, в уме шведам не откажешь – даже свою неудачу они сумели превратить в национальное достояние. Теперь этот корабль, пролежавший на морском дне триста лет, стал одной из главных достопримечательностей Стокгольма. А что – может и впрямь был «сделан с умом»? Ведь три века пробыл под водой и уцелел, хоть и сделан был из дерева.

Словно широкие городские улицы тянутся проливы меж островами Стокгольма. По их обочинам всюду припаркованы яхты и лодки всех мыслимых видов и размеров, а по фарватерам движение не прекращается в любую погоду. На загородные острова можно добраться «морскими трамвайчиками», а гости столицы могут прогуляться по архипелагу на экскурсионных парходиках.

Мы, конечно же, не преминули воспользоваться такой возможностью – побывали даже на острове Бирка, до которого пароход идет целых два часа. Именно там, на Бирке, было первое поселение викингов. Теперь от их былой «цивилизации» остались лишь могильные камни да курганы, но шведы благоговейно хранят память о своих великих предках. К слову сказать, как нам поведал экскурсовод, никаких шлемов с рогами они не носили, да и слишком воинственными не были – это все поздние выдумки. Город викингов на Бирке в чем-то был схож с нашим древним Новгородом – мастеровым и торговым.

Так мы и жили те две недели: я с утра уходил в университет – работать приехал все-таки, а Лена шла в какой-нибудь музей или просто гуляла; к полудню я работу заканчивал, мы встречались и шли куда-нибудь вместе. Мне было радостно оттого, что с каждым днем Лена чувствовала себя в этом городе все уверенней. Ей и самой доставляло удовольствие рассказывать, где она побывала без меня и что видела. Нет, вдвоем нам было, конечно же, интересней, но все же ей было приятно чувствовать себя самостоятельной, а я радовался, глядя на то, как радуется она. Быть может, эти переживания свойственны лишь нам – россиянам, которые, не в пример большинству иностранцев, знают довольно много о других странах, но, правда, главным образом только из книг. Попав туда, мы невольно наблюдаем себя как бы со стороны, словно смотрим фильм из серии «кинопутешествий», в котором сами же и являемся главными героями.

В какой-то из тех дней мы возвращались из очередного похода по городу и оказались в самом центре – на бульваре Кунгстрэдгорден, где горделиво возвышается бронзовый Карл XII. Близился вечер, но было еще светло. Неспешно прогуливались немногочисленные прохожие. Усталость подталкивала нас идти домой, где в холодильнике были припасены разнообразные шведские деликатесы. Однако, ощущение того, что время, отпущенное нам, непрерывно утекает струйкой в песочных часах, заставляло нас медлить.

Мы стояли у подножия бронзового памятника и беззлобно шутили по поводу «надменного соседа», назло которому на берегах Невы был «город заложён». Откуда-то явственно доносились звуки музыки. Не сговариваясь, мы разом смолкли и прислушались. Музыка играла где-то в глубине бульвара. Гадая, что бы это могло быть, мы оставили Карла XII в его гордом одиночестве и направились в сторону звуков.

Не имея ничего, кроме смутных догадок, я стал с напускной уверенностью говорить, что это играет живой оркестр – там, в центре бульвара, на эстраде. Мне очень хотелось, чтобы оказалось именно так – я все еще подсознательно стремился чем-нибудь порадовать свою жену, чтобы еще и еще раз увидеть в ее глазах восторг, словно это был мой город, которым я гордился, а она была гостьей.

Когда мы подошли ближе, восторг испытал я сам, быть может даже больший, чем Лена. Там и впрямь играл живой оркестр, только не на большой эстраде, а неподалеку под матерчатым навесом. Рядом был широкий деревянный помост, по которому кружились в танце несколько пар. Очень скоро восторг мой сменился испугом, потому что Лена принялась уговаривать меня потанцевать.

Поначалу я отказывался наотрез. Рядом с помостом стояли ряды стульев, на которых сидели десятка два зрителей. Я с детства чувствую себя неловко, когда приходится произносить хотя бы пару слов перед публикой – а тут танцевать! Лена продолжала убеждать меня, но безуспешно – в свое оправдание я приводил какие-то невразумительные доводы.

Мы встали поодаль и смотрели, как танцуют другие. И танцующие, и зрители, да и музыканты тоже были преимущественно люди пожилые. Впрочем, и нас самих, пятидесятилетних, к молодежи отнести было трудно.

Аленушка прижалась к моему плечу и умоляюще заглянула мне в глаза. В этом взгляде было столько чувств, что в душе моей всколыхнулись и нежность, и жалость, и стыд, и досада на самого себя... И то сказать, в кои то веки оказались в таком чудесном месте, и музыка вот, будто нарочно для нас – потом ведь не прощу себе этого малодушия... Еще мгновение поколебавшись, я взял Аленушку за руку и мы шагнули на помост. Это было, как прыжок в холодную воду – и страшно, и хочется, и стыдно за свой страх, и знаешь, что потом будет хорошо....

Музыканты играли фокстрот. В незапамятные времена нашей молодости, когда детей у нас еще не было, мы с Леной занимались в клубе бальных танцев. Я тогда умел худо-бедно танцевать и фокстрот, и вальс, и даже танго.... Было это, однако, так давно, что танцевальные движения все забылись и теперь я чувствовал себя каким-то увальнем. А вот Аленушка моя, как оказалось, не забыла ничего. Она старалась и, как могла, вела меня в танце. Раз или два я наступил ей на ногу, очень этим смутился, но она меня подбодряла, а на лице ее сияла лучезарная улыбка.

Некоторую уверенность мне придавало то, что Гарри Фокс – опереточный актер, именем которого и назван фокстрот, придумал этот упрощенный танец специально для своей партнерши по сцене, которая была столь неспособна к ритмическим движениям, что обыкновенный «ту-степ» представлял для нее непреодолимую трудность. Два замедленных шага в фокстроте дают время сосредоточиться и поймать ритм, если вдруг собьешься. После нескольких кругов и у меня стало что-то получаться....

Домой мы шли необыкновенно счастливыми, рука об руку и душа в душу. Вот, казалось бы, ничего особенного – не в королевском дворце танцевали, а поди ж ты! Аленушка была счастлива оттого, что, в этом сказочном городе попала на «бал», словно Золушка, а я радовался ее счастью и тому, что сумел таки преодолеть свою робость. Многие мы видели за те две недели и многим восторгались, но этот фокстрот на простом дощатом помосте останется в наших душах, наверное, дольше всего остального.

Время течет то быстро, то замедляясь – как танец, который закружил нас тем тихим сентябрьским вечером. Вот уж и зима прошла, да и весна на исходе. Я снова здесь – в Стокгольме, только теперь один. Брожу по тем же улочкам, где мы ходили вдвоем, и сердце щемит тоска по нескольким счастливым дням, невозвратно ушедшим в прошлое. Больно смотреть на все то, чем любовались мы вместе. Хочется повернуть голову и встретить искрящийся радостью взгляд, но рядом никого нет....

Да, правы были древние – в одну реку нельзя войти дважды. Словно бы нарочно, чтобы сделать себе больнее, я пришел на бульвар Кунгстрэдгорден.

Бронзовые короли величественно возвышались на своих прежних местах; и фонтан в виде огромной чаши, опирающейся на героев греческих мифов, был все тот же; и по краям его застыли те же каменные лебеди.... Только вот там, где были деревянный помост и эстрада, теперь открытый участок земли, посыпанный не то крупным песком, не то мелкой щебенкой.

Я сел на скамейку у края этого участка и смотрел в пространство, пытаюсь увидеть тех музыкантов и нас самих, танцующих фокстрот. Словно призраки двигались фигуры перед моим мысленным взором, а настоящие живые люди пересекали это пространство, не зная, что топчут мои воспоминания.

Раз-два, три-четыре ... – шаг за шагом – два неспешных, два быстрых Сколь же глуп был я, когда отказывался танцевать! Ведь танец тот, а пожалуй, и все наше путешествие – это были те самые «два замедленных шага» в бешеном ритме жизни, которые были дарованы нам, чтобы не сбиться, чтобы сохранить гармонию.

Май, 2008